

„когда такой шумъ раздался, значитъ, гости прїѣхали“. Потомъ пошелъ къ воротамъ посмотрѣть, кто могъ надѣлать этотъ шумъ и на своемъ ли мѣстѣ ломъ; но онъ никого не засталъ, а выдернутый ломъ валялся возлѣ стѣны. „Можетъ быть, уши обманули, когда здѣсь никого нѣтъ“, подумалъ нечистый—„но кто тогда вытащилъ ломъ? Въ самомъ дѣлѣ удивительно“.

Между тѣмъ мальчикъ отыскалъ дѣвушку. Онъ надѣлъ платокъ, который она ему подарила, и такимъ образомъ пробрался въ ея комнату такъ, что его никто не замѣтилъ. Дѣвушка приказала ему идти переговорить съ отцемъ; мальчикъ явился къ нему, просилъ его дочь въ супруги и сказалъ: „меня обѣщали тебѣ, потому я теперь сватаюсь къ твоей дочери. Какія ты дашь мнѣ задачи?“ Не торопись, другъ мой—отвѣчалъ тотъ—во-первыхъ, можешь построить дворецъ ни на небѣ, ни на землѣ. Потомъ ты долженъ въ одну ночь вспахать, посѣять, сжать, смолотить, смолоть и испечь мнѣ хлѣба на пищу, А наконецъ достать мнѣ на завтракъ трехъ глухарей съ желѣз-

ными клювами изъ-за девяти морей. Когда мальчикъ рассказалъ это своей невѣстѣ, она ему отвѣчала: „въ конюшнѣ девять лошадей; переломи ноги у семи изъ нихъ; на остальныхъ мы убѣжимъ отсюда“. Мальчикъ сдѣлалъ, какъ она приказала, и они убѣжали. Нечистый все-таки вскорѣ пустился вслѣдъ за ними, но дѣвица перечеркнула землю своимъ платкомъ и тутъ тотчасъ возникла такая гора, что нечистый долженъ былъ возвратиться домой за топоромъ. Потомъ онъ опять преслѣдовалъ ихъ, а дѣвушка превратила одну лошадь въ церковь, другую въ колокольню, а сама превратилась въ священника, мужъ въ пономаря. Нечистый не узналъ ихъ, вошелъ въ церковь, спросилъ: не видали-ли они, не прошелъ-ли кто нибудь? „Они уже давно на той сторонѣ рѣки“, отвѣчали священникъ и пономарь. Бѣсъ тогда возвратился домой и увидѣлъ изъ своихъ книгъ, что они были въ той церкви, хотя онъ и не узналъ ихъ. Онъ снова пустился за бѣглецами, но дѣвица платкомъ сдѣлала такую рѣку, что онъ не могъ переправиться черезъ нее. Мальчикъ привелъ свою невѣсту домой.

Сказка про строя.

Жили старикъ, да старуха. У нихъ было двое маленькихъ дѣтей: сынъ Иванушко, а дочь Марьюшка. Они пожили, пожили, да и умерли, а ребятъ-то однихъ и оставили, а хлѣба-то имъ оставили мало. Они пожили, пожили, да хлѣбъ-то весь и съѣли. Што дѣлать? Сидятъ, да и плацутъ, потому што ись стало нице-

во. Ну, Марьюшка-то и говоритъ Иванушку: „што-же мы станемъ дѣлать-то? ись нецево, а ись охота; пойдѣмъ-ко въ поле. Сидятъ на дорожкѣ, сидятъ, да и плацутъ. Она и говоритъ Иванушку: „братецъ, давай-ко я у тебя въ головушкѣ поищу“. Стала искать и говоритъ ему: „у Иванушки глазокъ спи, другой

спи. Иванушко, увесь усни. Иванушко и уснулъ. А тутъ около ихъ стоявъ пенекъ. Она встала на пенекъ-отъ, да и говоритъ: „пенекъ выше, лѣсокъ ниже: Вдругъ пенекъ-отъ и поднявсе, выросъ до неба, а небо-то, а тамъ стоитъ строй: зубы желѣзные, поварежка въ жопѣ, мутовка въ ротѣ глаза на спинѣ, а около ево стоятъ жернова, онъ стоитъ да на ихъ мелѣтъ; какъ вернетъ этими жерновами-то: блинъ, да шаньга калацъ да пряникъ. Ну, Марьюшка-то и наклала цѣлый мѣшокъ блиновъ-то, да шанегъ, калацей, да пряниковъ; наклала, да и встала опять на пенекъ-то съ мѣшкомъ и говоритъ: „пенекъ ниже, лѣсокъ выше; пенекъ ниже, лѣсокъ выше; пенекъ ниже, лѣсокъ выше“. Ковды она это проговорила, пенекъ-отъ лишь опустивсе до земли; а Иванушко-то всегъ спитъ. „Иванушко, Иванушко, братецъ, говоритъ она, вставай-ко, што я тебѣ принесла-то“. Иванушка разбудивсе, вставъ, да какъ обрадовавсе, захохотавъ, перекрестивсе, да и ставъ ись. Поили маленько, а все остальное унесли домой, Ну, опять стали жить. Жили, жили, да опетъ все и съили; потомъ опетъ нечево стало ись; опетъ сидятъ и плацутъ. „Што-же, Марьюшко говоритъ Иванушко, мы станемъ ись-то? Опетъ надо идти гулять. Пойдемъ-ко въ поле, опетъ погуляемъ, и пошли. Пошли въ поле, вышли за поле и сѣли на дорогу. Сидятъ, да опетъ и плацутъ. Она и говоритъ: „Иванушко, братецъ, дай-ко я у тя поищу въ головушкѣ“. Стала искать и говоритъ: „У Иванушки глазокъ спи. Иванушко весь усни, а и не сказала, што другой глазокъ спи,—забыла. А пенекъ-отъ опетъ ужъ около ихъ стоитъ. Она думала, што Иванушко-ко крѣпко спитъ, она лишь встала на

пенекъ-то и говоритъ: „пенекъ выше, лѣсокъ ниже: пенекъ выше, лѣсокъ ниже; пенекъ выше, лѣсокъ ниже“. Иванушко-то лишь услыхавъ и заревѣвъ: „ой Марьюшка, сестрица, и я съ тобой пойду“. „Ну да говоритъ, иди и ты ужъ со мной и взяла и его съ собой. Оба встали на пенекъ-то; пенекъ-то лишь опетъ поднявсе до неба. Ну небо-то опетъ открылось, они оба туда и зализили, а тамъ опетъ стоитъ строй, стоитъ, да и мелетъ. Иванушко-то и увидѣвъ, што такой страшной стоитъ, да мелетъ, испугавсе, заревѣлъ и говоритъ Марьюшкѣ-то сестрицѣ: „Ой Мзрюшка, говоритъ, я боюсь... Хы-хы-хы... Строй-отъ и услышавъ. Услышавъ, да лишь сфативъ Иванушка-то къ себѣ. Охъ-тимнехонько, сфативъ, да и хочетъ ево зарѣзать. Ну, Марьюшка-то и заревѣла а у строя-то кабытъ топилась печь Ковды печь-то истопилась, строй-отъ и говоритъ Марьюшкѣ-то: „дѣвка, говоритъ, садись-ко, давай, на лопату“. „Ой нѣтъ, нѣтъ, говоритъ я не умію“. Ну-ко, ты укажи мнѣ, какъ нада садитце-то, садись-ко снацаво самъ“. Онъ взявъ, да и сѣлъ на лопату-то. „Вотъ, говоритъ, какъ надо садитце-то“. „Да, какъ, говоритъ, я не знаю; ну-ко, ты, говоритъ хорошенько усядѣсе, да ужмись, штобы лъзя было продти въ жье-то пецки“. Лишь онъ сѣвъ, да и ноги подъ себя положивъ, а самъ согнувсе, штобы продти въ печь-то. Марьюшка-то взяла, да лишь на лопатѣ-то ево шорнула въ печь лишь скорѣ печь-ту заслонкой закрыла и приперла крѣпко на крѣпко; а изъ пеци-то на шестокъ изъ сроя-то лишь потекъ ясиръ-сало. Иванушко-то водбѣжавъ, да взявъ и лизнувъ пальцемъ ясиру-то-лишь оцудивсе барашкомъ и

заблѣявъ. „Ой, говоритъ, Марьюшка, сестрица, ножи тоцать, котлы кипятъ; барашка рѣзать хотятъ“. Строй-отъ лишь изъ пецки-то выскоцивъ, да Иванушка-

то и зарѣзавъ, а Марьюшка-то опять встала на пенекъ, да на землю и спустилась.

